
ЧУЖАЯ
ОСТАНОВКА
АСЯ ХЕЙЛ

Ася Хейл
Чужая остановка

https://litres.ru/74791512
SelfPub; 2026

Аннотация

Лера больше не живёт рядом с лицеем. Теперь между домом и первым уроком три автобуса, а между ней и друзьями — адрес, который она прячет, и всё новые объяснения опозданий.

На утренней пересадке её замечает Никита. Тот самый, который однажды переслал в общий чат фотографию, за которую Лере до сих пор стыдно. Его помощь кажется ловушкой, извинение — слишком поздним. Но короткие встречи на остановке постепенно становятся тем, чего она ждёт весь день.

Когда дорога начинает отнимать больше, чем Лера может отдать, одного желания быть вместе оказывается мало. Придётся рассказать правду. И решить, какую жизнь она хочет сохранить, а какую больше не сможет изображать.

Содержание

Глава 1. Адрес проживания 4
Глава 2. Пять минут 14
Глава 3. Субботний свет 22
Глава 4. Тетрадь на двоих 30
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Чужая остановка

Глава 1. Адрес проживания

В строке «Адрес фактического проживания» я написала Гагарина, восемнадцать, и только на номере квартиры остановилась.

Сорок два. Четвёртый этаж, окно кухни над вывеской аптеки, узкий подоконник, на котором мы с Соней сушили лак. Из того окна было видно угол лицея. Если я выбегала после первого звонка, ещё оставался шанс проскользнуть за спиной Марины Дмитриевны.

Теперь там жила другая семья. Мы отдали ключи в последнее воскресенье августа; женщина с блестящим ободком проверила, не течёт ли кран, а я держала в подъезде пакет с маминими босоножками и боялась, что он порвётся.

Я дописала сорок два.

— Шестакова, у тебя что-нибудь изменилось? — спросила Анна Михайловна.

Она стояла рядом с нашей партой, собирая анкеты. В начале десятого класса у неё появились новые очки — светлые, почти незаметные, — и она всё время поправляла их тем же движением, которым раньше убирала волосы за ухо.

— Номер мамы тот же.

— Я про адрес тоже спрашиваю.

Соня повернула ко мне голову. У неё на щеке отпечаталась строчка от рукава: до звонка она спала, положив руки на стол. Раньше мы обе смеялись над теми, кто умудрялся выспаться в классе. Теперь я знала, что для этого вполне хватает десяти минут.

— Пока нет, — сказала я.

У этого «пока» был неприятный привкус. Я провела ладонью по листу и отдала его так быстро, что Анна Михайловна не успела заметить, как долго я заполняла последнюю строчку.

— Если что-то поменяется, напиши мне. Хорошо?

Я кивнула.

Она пошла дальше. Соня вытянула ноги под партой; белый носок над кроссовкой был заклеен полоской пластыря.

— Ты же переехала.

— Это на время.

— И что?

— Потом переделаю.

Соня посмотрела на меня ещё секунду, но прозвенел звонок. Она вытащила тетрадь, а я сделала вид, что ищу ручку, хотя держала её в правой руке.

Утром я успела за пять минут до начала уроков. От будильника до школьной двери прошло два с половиной часа. Сам путь был короче, но я ещё не разобралась, где именно переставала спать и начинала ехать. На первом автобусе в окна почти ничего не было видно. На втором я читала назва-

ния остановок поверх собственного отражения. На третьем появлялись люди, которых я знала, и приходилось выпрямляться, убирать телефон, проверять, не осталась ли на щеке складка от шарфа.

Никита Ершов вошёл в класс перед самым звонком. Он придержал дверь плечом, пропуская Глеба, и поставил рюкзак возле парты через проход от нас. На его куртке висел оборванный язычок молнии. Я заметила его раньше, чем лицо.

Глеб наклонился к нему и что-то сказал. Никита ответил вполголоса. Я сразу отвернулась к доске.

Не обязательно про меня. Я знала, что не обязательно.

От этого легче не становилось.

На третьем уроке желудок начал громко и настойчиво требовать еды. Дома я выпила чай и откусила половину хлебца, который оказался отсыревшим. Мама оставила на столе контейнер с гречкой, но утром я сунула в рюкзак тетради, зарядку, мешок со сменкой, а контейнер остался рядом с чайником. Его крышка не закрывалась с одной стороны. Я собиралась заменить её пищевой плёнкой и забыла.

В столовой Соня взяла макароны с котлетой и компот. Я остановилась перед витриной, за которой лежали пирожки. На бумажке было написано «с картофелем — 38».

— Ты опять только чай?

— Есть не хочу.

Соня держала поднос обеими руками.

— Лер, ты мне сейчас на литературе чуть ухо не съела. У

тебя живот урчал весь урок.

Я взяла пирожок.

Мы сели у окна. В сентябре свет в столовой был таким, что на стеклянных стаканах виднелись все разводы. Соня отодвинула мой телефон от своей тарелки: я положила его слишком близко к лужице компота.

— После уроков ко мне? Мама обещала купить слив.

Мне хотелось ответить сразу. Прийти к ней, снять туфли в коридоре, забраться с ногами на знакомый диван. Соня всегда мыла сливы вместе с ценниками, потому что забывала снять наклейку с пакета. Потом мы вылавливали бумагу из дуршлага.

— Сегодня не могу. Дома надо разобрать.

— У вас там ещё коробки?

— Есть немного.

— А завтра?

На завтра мама просила меня зайти в пункт выдачи. До него от нашего нового дома было двадцать минут пешком, и работал он до семи. Я ещё не знала, какие автобусы идут обратно после практикума по биологии. В телефоне один маршрут предлагал пройти почти три километра от трассы.

— Посмотрю.

Соня подцепила вилкой макароны.

— Я в пятницу на стадионе до вечера. Завтра последний нормальный день.

— Ты же сказала, у вас пока три тренировки.

— Уже четыре. Я тебе писала.

Она действительно писала. Ночью, когда я пыталась прикрутить ножку к письменному столу. В новом месте стол стоял вплотную к холодильнику, который включался так резко, будто кто-то дёргал его за шнур. Я посмотрела на сообщение и отправила сердечко. Тогда мне показалось, что это подходящий ответ.

— Прости. Я помню.

— Не помнишь.

Соня сказала это без злости и доела котлету. Мне стало хуже, чем если бы она разозлилась.

После уроков я задержалась у расписания дополнительных занятий. В прошлом году Анна Михайловна пускала на практикум только девятиклассников, которые уже выбрали профиль. Мы смотрели под микроскопом воду из пруда за стадионом; в моей пробе нашлось что-то прозрачное, с длинной ножкой, и я весь вечер искала, как оно называется. Мама тогда слушала вполуха, помешивая на плите суп, но на следующий день принесла с работы три маленькие банки.

Теперь возле слова «Практикум» стояло: вторник, четверг, 17:00–18:30.

Два раза в неделю. Не каждый день.

Я сфотографировала лист.

— Записываешься? — спросила Анна Михайловна у меня за спиной.

— Да.

— Сначала посмотри основное расписание. У вас химии прибавилось.

— Я успею.

— Тогда приходи во вторник. И отдельную тетрадь заведи.

Она говорила со мной как всегда. Никаких вопросов о Береговом, никаких осторожных «может, тебе лучше поближе к дому». Мне даже захотелось повернуться вслед за ней и вернуть анкету. Исправить адрес, пока она не успела подшить листы.

Но из раздевалки вывалились наши, Соня махнула мне рукой, и я пошла к ней.

До её поворота мы шли вместе. Соня рассказывала, как тренер переставил её на другую дорожку и она сбилась ещё до старта. Я слушала, кивала и каждые полминуты смотрела на часы. Автобус в сторону площади отходил в пятнадцать десять. После него пришлось бы ждать двадцать минут, потом ещё сколько-то на Шлюзе. На улице было тепло. Солнце грело затылок. Раньше за эти двадцать минут мы успели бы дойти до Сони и поставить чайник.

— Ты меня вообще слышишь? — спросила она.

— Слышу. Ты раньше побежала.

— Наоборот. Позже.

Я остановилась.

— Сонь, мне правда надо.

Она посмотрела туда, где за остановкой уже показался ав-

тобус.

— Так иди.

Я побежала. На переходе пришлось ждать зелёного; я видела, как люди заходят в переднюю дверь, как женщина поправляет на плече сумку, как водитель переводит взгляд на зеркала. Когда я добежала, он ещё не закрыл двери. Я поднялась на ступеньку, приложила карту и увидела Соню на другой стороне улицы.

Она уже шла домой.

В Береговом было непривычно тихо. Наш дом стоял за магазином стройматериалов, и до него вела дорожка вдоль сетчатого забора. У соседнего подъезда мальчик лет пяти катал машинку по перевёрнутому ящику. Колёса цеплялись за щели, и он сердился на них вполне по-взрослому, коротко и устало.

Я поднялась на третий этаж. В квартире пахло сырым шкафом. Мама протёрла его уксусом ещё в воскресенье, но запах не уходил.

Контейнер с гречкой стоял там, где я его оставила. Я убрала его в холодильник, сняла школьную юбку и прямо в футболке легла на матрас. Кровать мы ещё не собрали: не хватало двух болтов, и мама сказала, что спросит у слесаря на складе.

Я поставила будильник на двадцать минут.

Проснулась от ключа в двери.

— Лера?

В комнате было темно. Я нащупала телефон. Девятнадцать сорок шесть.

Мама поставила пакеты на пол и включила свет в прихожей. Сквозь открытую дверь полоса легла на мой рюкзак.

— Ты заболела?

— Нет. Просто легла.

— Ты ела?

— Ела.

Я села, с трудом отделив щёку от подушки. В голове тяжело перекатилось всё, что я не сделала: алгебра, параграф по химии, два задания по английскому.

Мама заглянула в холодильник и ничего не сказала про контейнер. Достала его, сняла крышку и понюхала.

— Сейчас разогрею.

Я пошла умываться. В ванной зеркало висело слишком высоко, над пустыми отверстиями от старого крепления. Я подняла подбородок, чтобы увидеть лицо целиком. Под глазами лежали тени, и волосы у виска торчали вверх.

За ужином мама спросила, сколько я ехала.

— Чуть больше часа.

Это было почти правдой, если складывать только время внутри автобусов.

— На сорок первом?

— Не совсем. Там удобнее с пересадкой.

— Одной?

Я взяла стакан.

— Да.

Мама медленно кивнула. На костяшке её большого пальца треснула кожа. Она намазала руки кремом перед едой, и на стакане оставались мутные отпечатки.

— Я смотрела квартиру возле станции. Там, конечно, дороже. Но если очень тяжело будет…

— Не тяжело.

— Лера, я не говорю, что мы завтра переезжаем. Просто можно искать.

— Мам, всё нормально. Я успеваю.

Она отставила стакан и посмотрела на меня. Я боялась, что она попросит показать маршрут. Телефон лежал между нами экраном вниз; на нём осталось открытым расписание сорок четвёртого.

— Хорошо, — сказала мама. — Тогда пока поживём здесь.

После ужина она пошла стирать рабочую жилетку. Я открыла тетрадь по алгебре и долго смотрела на номер задачи, которую Соня обвела ручкой ещё на уроке.

В телефоне было три сообщения. Одно от Сони — фотография слив в дуршлаге. Второе из классного чата. Третье от Анны Михайловны: она напоминала тем, кто не сдал анкету, принести её завтра.

Я увеличила фотографию Сони. Между сливами лежал уголок мокрой магазинной наклейки.

«Красивые», — написала я.

Потом стёрла.

«Завтра после школы минут на сорок зайду. Можно?»

Ответ пришёл, пока я ещё держала телефон.

«Можно. Только мне потом на тренировку».

Я поставила на завтра два будильника — на пять сорок и на пять сорок пять — и вернулась к задаче.

Глава 2. Пять минут

На остановке в Береговом никто не спрашивал, кто последний. Люди стояли в привычном порядке: женщина с термосом у левого края навеса, двое мужчин возле урны, я чуть дальше, рядом с объявлением о продаже щебня. Когда открылись двери, они молча заняли места, которые, видимо, занимали каждый день.

Я села над задним колесом. Там трясло сильнее, зато стекло ещё не успело запотеть. На коленях у меня лежал мешок со сменкой. От него пахло кремом для обуви — мама вечером натёрла мои туфли, пока я делала алгебру.

Автобус стоял.

На телефоне было шесть семнадцать.

Я посмотрела на водителя. Он сидел боком и разговаривал с мужчиной в тёмной куртке, который стоял снаружи у открытой двери. Они обсуждали какую-то запчасть. Я слышала отдельные слова, но не могла собрать их в смысл. Мои пять минут на Шлюзе уходили на запчасть, которую я даже не умела представить.

В шесть двадцать мужчина отошёл. Водитель закрыл двери и тронулся.

Сначала я решила, что он наверстает. Дорога была почти пустой, автобуса впереди не было. Но у поворота на водокачку нас остановил светофор, потом нужно было пропустить

грузовик. Женщина с термосом достала из сумки тканевый футляр и надела очки. Один из мужчин задремал. Они, кажется, никуда не опаздывали.

К Шлюзу мы подъехали в шесть сорок две.

Я встала заранее, сунула мешок под мышку и взялась за поручень. Двери раскрылись с сухим шипением. До остановки двадцать пятого нужно было пройти вдоль ограды, повернуть у киоска и пересечь дорогу. Вчера я засекла четыре минуты. Сегодня попробовала уложиться в две.

Двадцать пятый я увидела через ограду. Он стоял у павильона. На табло над лобовым стеклом горели цифры, и я почувствовала почти облегчение: стоял — значит, ещё можно.

На переходе загорелся красный.

Я нажала кнопку для пешеходов. Нажала ещё раз. Водитель автобуса поднял голову, глянул в зеркало и закрыл двери.

Я так и осталась с пальцем на кнопке.

Следующий двадцать пятый был в семь ноль пять.

На площади Энергетиков мне требовалось успеть к семи тридцати пяти. От Шлюза ехать двадцать семь минут, потом четыре минуты через площадь. Я посчитала один раз и сразу пересчитала, надеясь, что ошиблась.

У киоска пахло горячим тестом. Продавщица открывала металлическую ставню, и от её движения сыпалась пыль. Я отошла к стене павильона, достала телефон и открыла такси.

До лицея — семьсот восемьдесят рублей.

Я закрыла приложение.

Соня ещё не проснулась. Её последнее сообщение было вчерашним: «Захвати физику, у меня в шкафчике осталась». Я написала, что задерживаюсь, и несколько секунд держала палец над отправкой. Если сказать сейчас, она спросит, где я. Если не сказать, займёт мне место и будет злиться, что я опять бегу в последний момент.

«С утра голова болит. Если что, скажи Климовой».

Я отправила и убрала телефон.

Двадцать пятый пришёл минута в минуту. Я села возле передней двери, как будто близость к выходу могла ускорить весь путь. На площади Энергетиков вышла ещё до того, как автобус окончательно выпрямился у бордюра, и пошла быстро, почти бегом.

Площадь делила надвое широкая дорога. Между её половинами был островок, где обычно стояли люди с пакетами и школьники. Я дошла до него на зелёный, но второй переход не загорелся вместе с первым. Пока я ждала, мимо прошёл сто восемнадцатый.

В крайнем окне я заметила светлую куртку Никиты.

Он смотрел в телефон. Я успела разглядеть его согнутую голову, наушник в одном ухе и руку на спинке сиденья. Автобус ушёл дальше. Никита не поднял глаз.

Я не знала, радоваться этому или нет.

Следующий сто восемнадцатый пришёл через двадцать минут. Людей в нём было больше, и мне пришлось стоять.

На поворотах рюкзак тянул назад, мешок со сменкой ударял соседку по колену. Я прижимала его к себе и извинялась, пока соседка не сказала, что всё в порядке.

У лицея я была в половине девятого.

Вахтёрша попросила показать сменку. Я стала развязывать мешок и не сразу попала пальцами в узел.

— Не здесь же переобувайся. Покажи только, что есть.

Я показала туфлю.

В коридоре было пусто. Из кабинета химии тянуло чем-то тёплым, бумажным; наверное, включили проектор. Я слышала чужой ответ за дверью и шаги учителя вдоль доски. До нашего кабинета оставался один пролёт, и мне вдруг захотелось сесть на ступеньку.

Я поднялась.

Марина Дмитриевна замолчала, когда я открыла дверь.

— Можно?

— Заходи. Что случилось?

— Голова болела. Дома задержалась.

Я сказала это, ещё держась за ручку. В классе было душно. После холодного воздуха щёки сразу загорелись.

— Сейчас нормально?

— Да.

— Если нет — к медсестре. Если да — садись. У нас самостоятельная.

На моей парте лежал лист с заданиями. Соня сдвинула его ко мне, не отрываясь от своих вычислений. Я достала пенал

и попыталась прочитать первое условие.

У меня оставалось четырнадцать минут.

Вчерашняя домашняя задача оказалась почти такой же, но нужное действие не вспоминалось. Я смотрела на скобки, на дробь, на цифру три под чертой. Перед глазами всё ещё ехал автобус, который я не успела остановить.

Я решила первое задание. Во втором переписала знак неправильно и заметила это, когда Марина Дмитриевна сказала положить ручки.

— Лер, ты очень бледная, — шепнула Соня на перемене.

— Нормально.

— Ты маме говорила?

Я застегнула пенал.

— Она уже на работе была.

Соня потрогала мой лоб тыльной стороной ладони. Я отодвинулась резче, чем хотела.

— Да не надо.

— Я просто проверяю.

— Я знаю.

Несколько секунд мы обе молчали. Потом Соня протянула мне бутылку воды, и я сделала два глотка, чтобы между нами снова можно было разговаривать.

После уроков я всё-таки пошла к ней. Могла бы поехать сразу домой, поспать, сделать задания до маминого возвращения, но тогда получилось бы, что из-за одного утреннего автобуса я лишилась ещё и этого.

В её квартире пахло запечёнными яблоками. Соня кинула ключи в вазочку у двери, разулась и пошла мыть руки. Я задержалась возле обувной полки. Здесь стояли мои старые тапочки — серые, с вытертой пяткой. Соня когда-то сказала, что пусть лежат, всё равно я прихожу чаще её тёти.

— Ты идёшь? — крикнула она из кухни.

Я надела тапочки.

Сливы действительно были в дуршлаге. Мы ели их, стоя у раковины, и складывали косточки на маленькое блюдце. Сок тёк по пальцам. Соня рассказала, что тренер хочет отправить её на сборы в октябре, если она покажет нужное время на следующем старте.

— Это хорошо? — спросила я.

— Ну… да.

— Ты как-то не уверена.

Она выбрала сливу помягче и надавила на неё большим пальцем.

— Там все уже были. Из нашей группы только я нет.

— И что?

Соня подняла на меня глаза. Вчера утром она так же спросила меня про новый адрес. Теперь я сама произнесла это короткое «и что», будто чужое беспокойство можно было убрать одним вопросом, и почувствовала, как покраснела.

— Не знаю, — сказала она. — Просто страшно приехать и понять, что я вообще не туда попала.

Я хотела ответить, что она точно туда попала, что у неё

получится, что тренер лучше знает. Вместо этого спросила:

— А на сколько?

— На десять дней. Если возьмут.

— Пиши оттуда.

— Я ещё не еду.

— Всё равно пиши.

Она кивнула и пододвинула ко мне дуршлаг.

Мы сели на диван. Соня включила на телефоне видео своего забега: кто-то снимал с трибуны, поэтому первые секунды были заняты чужим локтем. Я увидела её на дальней дорожке и не сразу узнала. На стадионе она держалась иначе — плечи ниже, голова ровно, движения быстрые и собранные. Это была моя Соня и какая-то ещё, незнакомая мне.

— Вот тут, — сказала она. — Видишь?

Я попросила показать ещё раз.

Когда она ушла переодеваться, я посмотрела на время. Сорок минут закончились давно. Ничего страшного: я успевала на следующий рейс. Если не задерживаться у магазина, вернулась бы до пяти.

Из Сониной комнаты донеслось:

— Лер, застегни, пожалуйста.

Я вошла. Она стояла спиной в спортивном топе и держала волосы над шеей. У замка на вороте зацепилась ткань.

— Только не дёргай.

Я осторожно освободила край, провела молнию вверх и опустила её волосы. У Сони под лопаткой был небольшой

синяк. Раньше она показывала мне каждый такой, жалуясь на дорожку, растяжку или случайно задетый угол. Этот я видела впервые.

— Всё, — сказала я.

Мы вышли вместе. У подъезда ей нужно было налево, мне — направо. Соня обняла меня одной рукой, потому что второй придерживала спортивную сумку.

— Завтра приходи пораньше. До самостоятельной разберём, что ты не успела.

Я сказала, что постараюсь.

На обратном пути я открыла расписание сорок четвёртого. Перед моим рейсом в шесть пятнадцать был другой — в пять пятьдесят. Я долго смотрела на эти цифры, представляя, как выхожу из квартиры ещё на двадцать пять минут раньше.

Потом закрыла расписание и поставила напоминание: «Выйти в 6:00».

Три минуты я ещё могла найти.

Глава 3. Субботний свет

В субботу мама разбудила меня в половине одиннадцатого, потому что не могла одна удержать раму кровати.

— Я бы дала тебе ещё поспать, — сказала она. — Но мне потом за сменщицу выходить.

Она стояла в дверях в старой футболке, с болтом между пальцами. На щеке у неё была белая полоска. Я подумала, что это краска, но оказалось — засохший крем.

Мы перевернули раму и поставили её на бок. Мама держала длинную перекладину, а я пыталась совместить отверстия. Новые болты были чуть короче прежних. От этого мама расстраивалась так, будто лично выбрала неправильную длину, хотя ей отдал их слесарь из остатков.

— Давай я приподниму, — сказала я.

— Не надо, спину сорвёшь.

— Мам, я её всё равно держу.

Мы обе переставили руки, и рама глухо ударилась о стену. Мама замерла, прислушалась к соседям, потом медленно выдохнула.

— Ну вот. Уже отметились.

Она провела пальцами по свежей царапине на обоях. Я присела на корточки, заглянула снизу и увидела, что отверстия наконец совпали.

— Держи так.

В этот раз получилось.

Когда мы поставили кровать на ноги, мама села на край и осторожно покачалась. Рама не скрипела. Я легла поперёк, не дожидаясь матраса, и посмотрела в окно. Днём наша комната выглядела совсем иначе. Я до сих пор видела её либо утром, когда нужно было бежать, либо вечером, под желтоватой лампой. Теперь на стене лежал свет, и было видно, что обои не серые, а бледно-зелёные, с мелкими веточками.

— Шторы надо укоротить, — сказала мама.

— Зачем? Они нормально.

— До батареи. А то зимой всё тепло в окно пойдёт.

Я повернула голову. Мама говорила про зиму так, будто мы точно собирались встретить её здесь.

Она встала, принесла матрас, и я помогла расправить простыню. На старом месте кровать стояла вдоль стены. Здесь поместилась только у окна, а стол пришлось оставить на кухне. Мама предлагала поменяться: ей диван, мне единственную комнату, но тогда все её вещи пришлось бы держать возле плиты. Я сказала, что буду заниматься в наушниках.

— Может, всё-таки этот шкаф вынести? — спросила она. — Стол бы встал.

Шкаф принадлежал хозяйке. Большой, тёмный, с зеркалом на средней дверце. Его нельзя было разобрать так, чтобы потом собрать обратно: нижний угол уже разошёлся.

— А куда вещи?

— Что-нибудь придумали бы.

— Пусть стоит.

Мама погладила простыню ладонью. В последнее время она часто предлагала то, чего мы всё равно не могли сделать, и ждала моего отказа. Я не знала, замечает ли она это сама.

Мы позавтракали картошкой, оставшейся с вечера. Мама разрезала каждую дольку пополам, чтобы быстрее прогрелась, и разбила сверху два яйца. Я поставила на стол соль и хлеб. Из открытого окна доносились удары: возле стройматериалов разгружали поддоны.

— Я до семи, — сказала мама. — Может, чуть раньше. Ты погуляй сегодня.

— С кем?

— Ну, с Соней.

— У неё старт.

— А ты не поедешь посмотреть?

Я поковыряла вилкой яйцо. Соня приглашала ещё в четверг, по дороге от дома. Я ответила, что посмотрю, и она больше не напоминала. Начало было в двенадцать. До стадиона от нас — почти та же дорога, что до лицея, только ещё десять минут пешком.

— Уже не успеваю.

Мама взглянула на часы над холодильником. Они отставали на семь минут; мы обе это знали, но никто не поменял батарейку.

— Так ты поэтому сердишься, что я тебя с кроватью задержала?

— Я не сержусь.

— Лера.

— Мам, я правда не из-за кровати.

Я отодвинула тарелку и взяла телефон. Соня прислала фотографию номера, приколотого к майке. Под ним было написано: «Меня трясёт».

Я набрала: «Ты справишься».

Посмотрела на слова, как будто это было упражнение по русскому и в нём требовалось найти ошибку.

«Я не успеваю приехать. Прости. Позвони после, пожалуйста. Я буду ждать».

Соня прочитала, но не ответила. Я положила телефон на стол и доела картошку.

После маминого ухода я решила разобрать последний большой пакет. Он стоял возле шкафа, и мы уже начали переступать через него, не замечая. Внутри оказались шарфы, две фоторамки, провод от старого принтера и мамина жестяная коробка с нитками. На дне лежал жёлтый ценник.

Сто пятьдесят рублей.

Я подняла его за угол. На обороте сохранился кусочек скотча, к которому прилипли волосы и пыль. Ценник был от моей прошлогодней куртки — той самой, с распродажи в ДК.

В мае мама решила продать вещи, которые мы не носили. Хозяйка старой квартиры предупредила о повышении платы, и нужно было отложить хоть что-то на переезд. Куртку

я не любила: рукава стали короткими, а на воротнике не отстирывалось пятно. Мне казалось, что отдать её чужому человеку будет даже приятно.

Мы приехали к ДК с утра. Столы поставили в коридоре, рядом с кружком лепки. Женщины раскладывали детские сапоги, кастрюли, книги, пакеты с игрушками. Мама принесла скатерть, чтобы наши вещи не лежали на голом столе, и долго гладила ладонями залом на ткани.

Потом ей позвонили с работы. Она отошла во двор, а я осталась сидеть возле стола. Из соседнего зала вышел Глеб с двумя ребятами: там проходила какая-то репетиция. Он остановился напротив, посмотрел на куртку, на туфли, на меня.

— Привет, — сказал он.

Я тоже сказала привет.

Больше ничего особенного не произошло. Он даже не спросил, что я здесь делаю. Прошёл дальше, обернулся у лестницы и поднял телефон. Я тогда подумала, что он кому-то отвечает.

Вечером Соня прислала снимок экрана.

На фотографии я сидела, положив локти на стол, и держала в руке стакан из автомата. Куртка висела за моей спиной, ценник был хорошо виден. Внизу стояла подпись: «Шестакова принимает карты».

Фотографию отправил Никита. Над ней было его имя и маленький значок пересылки.

Я увеличивала снимок, пока буквы не расплылись. Хотела увидеть хоть что-нибудь, что позволяло бы ошибиться: другой чат, другую дату, чужой телефон. Но у Сони сверху оставалось название нашей закрытой группы, в которой обсуждали поездку после экзаменов. Я сама из неё вышла за неделю до этого, потому что поездка стоила слишком дорого.

Мама в тот вечер пересчитывала выручку на кухне. Она продала своё пальто, две пары обуви и настольную лампу. Куртку никто не купил. Я стояла в дверях, держа телефон за спиной, и не смогла ей показать.

Теперь куртка висела в шкафу в Береговом. Ценника на ней не было.

Я скомкала жёлтую бумажку и выбросила в пакет с мусором.

Телефон зазвонил ближе к двум. Соня дышала тяжело, как будто всё ещё бежала.

— Ну? — спросила я.

— Я четвёртая.

Я не знала, что сказать. Она раньше говорила, что ей нужно попасть в тройку, но потом выяснилось, что важнее само время.

— А по секундам?

Она назвала результат. Я повторила его вслух, чтобы запомнить.

— Это быстрее того видео?

— На полсекунды.

— Сонь!

Она тихо засмеялась, потом что-то ответила человеку рядом.

— Подожди, я отойду.

Я слышала скрип двери, гул голосов, её шаги. Наконец стало тише.

— Тренер сказал, шанс есть. Но он ещё смотрит воскресенье.

— Ты завтра опять?

— Не я. Девочки из другой группы.

Я села на новую кровать. Матрас пружинил подо мной, и от этого её голос казался ещё ближе.

— Ты сама довольна?

Соня долго не отвечала.

— Да. Только я на финише увидела третью и всё равно разозлилась. Представляешь? Я лучше пробежала, чем когда-либо, а мне мало.

— Мне кажется, можно и так, и так.

— Наверное.

Мы поговорили ещё немного. Я рассказала про кровать, про царапину на стене и про часы, которые всё никак не исправим. Соня спросила, далеко ли от нас до магазина. Я сказала, что обычный рядом, а большой — на автобусе.

— Ты меня позови как-нибудь, — сказала она.

Я посмотрела на шкаф, на пакеты, на мамину рабочую куртку, оставленную на стуле.

— Когда разберёмся.

— Можно и так.

— Позову.

После звонка я открыла окно шире. Мимо дома прошёл мальчик с машинкой, теперь уже держа её в руках. За ним шла женщина с двумя сумками. Она остановилась, переставила одну сумку в другую руку и подождала, пока он догонит.

Я впервые спустилась во двор без школьного рюкзака. Обошла дом с другой стороны, нашла дорожку к маленькому магазину и старую площадку, на которой от качелей осталась одна металлическая рама. За площадкой начинался склон к воде. Река отсюда была видна узкой полосой, между кустами и гаражами.

Я дошла до края тропинки и остановилась. Ветер тянул снизу, пахнул мокрым железом. На воде лежали светлые пятна. Дальше, у поворота, показался мост, по которому утром шёл мой автобус.

Я достала телефон и сфотографировала реку.

Отправить снимок Соне было легко. Под ним я написала: «Это возле нас».

Потом ещё раз посмотрела на фотографию, выбрала её в галерее и оставила. До этого все мои снимки нового дома были нужны для дела: счётчик, расписание, объявление о режиме работы магазина.

Глава 4. Тетрадь на двоих

Соня убрала тетрадь раньше, чем я успела открыть её на нужной странице.

— Сегодня нет.

Мы сидели у кабинета химии. До звонка оставалось восемь минут, и за это время я собиралась переписать две задачи. Вчера дома я честно попыталась их решить. В первой получила отрицательную массу вещества, во второй перепутала объём с количеством. Потом зазвонил мамин телефон, пришлось искать квитанцию за электричество, потом я ненадолго легла.

— Мне только посмотреть, как ты начала.

Соня держала тетрадь на коленях, прижав обложку ладонью.

— Я тебе в пятницу дала посмотреть. Ты весь номер переписала.

— Я потом разобралась.

— Тогда сама реши.

Рядом с нами стояли двое из параллельного класса. Один из них повернул голову. Я понизила голос:

— Сонь, ну не сейчас.

— А когда?

Она говорила негромко. От этого нельзя было ответить, что она устраивает сцену.

— Я правда не успела.

— Я тоже не успевала. До двенадцати сидела.

Я знала, что она вернулась со стадиона поздно. Знала, что у неё болит нога и что она вчера обещала прислать мне номер задания по английскому, но уснула с телефоном. Всё это было правдой. И всё равно в ту минуту мне казалось, что она могла бы просто сдвинуть тетрадь на десять сантиметров.

— Ладно.

Я достала свою.

На странице синела перечёркнутая формула. Отрицательная масса никуда не исчезла. Я открыла учебник, посмотрела на образец решения и поняла, что времени уже не хватит даже переписать условие начисто.

В кабинете нас рассадили по одному. Учительница сказала, что хочет увидеть, как мы усвоили материал, и попросила сдать тетради. Я положила свою на край стола обложкой вверх. Когда её забрали, стало почти легче: теперь уже ничего нельзя было изменить.

На перемене я не стала ждать Соню.

Спустилась к автомату с водой, наполнила бутылку и пошла на второй этаж другой лестницей. Внутри неприятно саднило. Я представляла, как она объясняет кому-нибудь, что больше не собирается за меня учиться, и сразу злилась сильнее, хотя Соня не любила обсуждать меня с чужими.

На литературе она села рядом, как обычно.

— Ручку дай, пожалуйста. У моей стержень кончился.

Я вытащила из пенала запасную и положила между нами.

— Спасибо.

Она писала моей ручкой до конца урока, потом вернула. Я ждала, что она ещё что-нибудь скажет. Она, наверное, ждала того же.

После занятий у нас было почти два часа до биологического практикума. В прошлом году это время считалось удачей: можно было дойти до кафе у сквера, взять одну большую порцию картошки на двоих и спокойно сделать английский. Сегодня я принесла еду в контейнере. Крышку всё-таки нашла другую — от старой коробки, подошла почти точно.

Я устроилась за столом возле библиотеки. Соня ушла на тренировку. Перед тем как спуститься по лестнице, она остановилась и сказала, что вернёт учебник физики завтра.

— Мне не нужен сегодня, — ответила я.

— Я всё равно верну.

Мне захотелось сказать, что она может оставить. Что тетради и учебники — разное. Но слова не нашлись, и она ушла.

Из контейнера пахло луком. Мама положила мне макароны с мясом, сверху — два ломтика огурца, которые успели стать тёплыми. Я ела осторожно, стараясь не стучать вилкой. Мимо проходили старшеклассники. Никто на меня не смотрел, но я всё равно закрывала крышку каждый раз, когда кто-то приближался.

— Здесь свободно?

Я подняла глаза.

Никита стоял по другую сторону стола с длинным чёрным чехлом. На его плече висела сумка, из кармана торчал кабель.

Вокруг были другие столы. Не все свободные, но были.

— Я ем.

— Вижу. Мне только это положить.

Он показал на чехол.

Я пожала плечами.

Никита уложил его на край стола и начал проверять карманы сумки. Что-то звякнуло. Он вытащил две маленькие батарейки, посмотрел на них и убрал обратно.

— Ты на биологию остаёшься?

— Да.

— Там, кажется, кабинет поменяли. Внизу листок висит.

— Я знаю.

Я не знала.

Он кивнул и больше ничего не спросил. Из актового зала выглянул Глеб.

— Ершов, ты где?

Никита поднял чехол.

— Сейчас.

Он ушёл, а я открыла контейнер и доела всё, что оставалось. От этого было стыдно ещё больше: как будто я прятала от него не макароны, а что-то запрещённое.

Внизу действительно висело объявление. Практикум пе-

ренесли в маленькую лабораторию возле кабинета технологии. Я пришла первой и несколько минут стояла у закрытой двери. Анна Михайловна появилась с коробкой предметных стёкол.

— Поможешь?

Я взяла коробку.

В лаборатории было тесно. Четыре микроскопа стояли на столах, на подоконнике сохли пластиковые лотки. У крана лежала губка, которую никто не отжал. Анна Михайловна открыла жалюзи, и в окно сразу стало видно школьный двор, турники и верхушку старой липы.

Пришло семеро. Двоих я знала по прошлому году, остальных видела только на переменах. Мы распределились парами. Мне достался мальчик из десятого «Б» — Артём, который всё время опасался испортить оборудование.

— Можно это двигать? — спросил он, показывая на винт.

— Нужно.

— А если сломаю?

Я наклонилась, показала, где держать стекло, и дала ему посмотреть первым.

Мы изучали тонкую плёнку с внутренней стороны луковой чешуи. Под объективом клетки выглядели совсем не так, как на рисунке в учебнике: одни были смяты, другие лежали поверх друг друга, между ними попался пузырёк воздуха. Артём решил, что пузырёк и есть клетка. Я объяснила, почему нет, и вдруг почувствовала, что говорю спокойно, не

торопясь.

— Вот эту видишь? — спросила я. — Где край ровнее.

Он долго смотрел, потом выпрямился.

— А, да. Теперь вижу.

Я придвинула к себе тетрадь и начала рисовать. Линии получались неровными, я несколько раз стирала, но мне нравилось, что рисунок зависит от того, что видно мне, а не от образца на странице.

Анна Михайловна остановилась за нашими спинами.

— Хорошо. Только не дорисовывай то, чего не различаешь.

Я убрала карандаш от одного из кружочков.

Она ничего больше не добавила и пошла к соседнему столу. Я снова заглянула в окуляр. На этот раз долго наводила резкость, стараясь увидеть именно эту клетку.

Когда занятие закончилось, я не сразу поднялась. Хотелось дорисовать последний ряд, подписать увеличение, убрать крошки ластика с листа. Артём уже надел куртку и ждал возле двери.

— Ты идёшь?

— Сейчас.

Анна Михайловна мыла стёкла. Я помогла ей вытереть стол. Она спросила, нравится ли мне новый профиль.

— Да.

Это был первый ответ за несколько дней, после которого мне не требовалось ничего скрывать.

— Тогда не теряй химию. Она здесь пригодится.

Я уронила губку в раковину.

— Я понимаю.

— Я не ругаю. Просто если где-то начало не сходится, подходи сразу. Потом труднее догонять.

Я сказала хорошо.

На улице уже темнело. Я дошла до остановки, сверилась с расписанием и поняла, что ближайший автобус ушёл шесть минут назад. Следующий приходил через двадцать две.

Сначала я разозлилась на себя. Потом открыла тетрадь и посмотрела на рисунок. Он занимал почти всю страницу. Рядом с увеличением я случайно поставила точку, похожую на маленькую кляксу, и обвела её кружком.

Я отправила Соне фотографию.

«Это лук».

Она ответила не сразу.

«Похоже на кирпичи».

Я улыбнулась и тут же почувствовала, как устала. Села на холодную скамейку, поставила рюкзак на колени и держала телефон обеими руками.

«Про тетрадь я поняла», — написала я.

Три точки появились, исчезли, потом снова появились.

«Я могу объяснить, если знаю. Но не каждое утро за пять минут».

Я перечитала сообщение два раза.

«Ладно. Завтра попробую сама».

До дома я добралась после восьми. Мама сидела на кухне, чистила яблоки для пирога. На столе лежали тёмные обрезки: фрукты отдали ей на складе, их нельзя было оставлять до утра.

— Долго сегодня, — сказала она.

— Практикум.

— Я помню. Ты ужинала?

Я показала пустой контейнер.

Мама кивнула и пододвинула мне чистую тарелку. Я взяла яблоко и села рядом. Оно было холодным, с мягким боком. Я вырезала пятно, очистила кожицу и положила белую дольку на тарелку.

Домашнее задание ждало в рюкзаке. Пока я позволила ему подождать ещё немного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.